

УДК 141.319.8

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-582-586

**МАГИСТРАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
ПОНИМАНИЯ ВЛАСТИ: МЕТАФИЗИКА VERSUS ДИАЛЕКТИКА****MAIN THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO
UNDERSTANDING POWER: DIALECTICS VERSUS METAPHYSICS****С.С. Черных
S.S. Chernykh**

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова,
Россия, 346428, г.Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI),
132 Prosveshcheniya St., Novocherkassk, 346428, Russia

E-mail: s.s.chernykh@mail.ru

Аннотация

В статье представлен сравнительный философский анализ метафизического и диалектического подходов понимания власти в антропологической перспективе. Отмечается, что в эпоху Нового времени наметилась оппозиция между двумя подходами интерпретации власти, связанная во многом с изменением в культуре соотношения таких понятий, как «вечность» и «время», происшедшее на фоне качественного роста производительных сил человечества и классовой борьбы.

Abstract

Power as a special form of human activity, realized through a certain culture and specific knowledge and skills specific for its implementation, was already examined in detail in ancient philosophy, primarily in the writings of Plato and, in part, Aristotle. During the subsequent long historical period (several millennia), power was interpreted from the metaphysical position (*sub specie aeternitatis*), that is, as power, power and glory originating from the higher (eternal) transcendental source.

The article presents a comparative philosophical analysis of the metaphysical and dialectical approaches to understanding power in the anthropological perspective. It is noted that in the era of modern times there has been an opposition between the two approaches to the interpretation of power, which is connected in many respects with the change in the culture of the correlation of such concepts as "eternity" and "time" that occurred against the background of a qualitative growth of the productive forces of mankind and the class struggle.

Ключевые слова: метафизика власти, диалектика власти, расколдовывание мира, современность, антропология власти, отчужденный труд.

Keywords: the metaphysics of power, the dialectics of power, the disenchantment of the world, modernity, the anthropology of power, alienated labor.

Философские высказывания о власти во многом определяются общественно-историческим бытием, включенностью людей в процессы культурного развития и становления глобального научно-технического субъекта современной цивилизации. В данной связи можно говорить о различных способах и коллективных установках понимания и восприятия власти, которые преобладали в те или иные исторические эпохи и способствовали формированию различных, но вместе с тем взаимосвязанных дискурсов власти. В целом мы считаем вполне оправданным решением рассмотреть и провести в данной статье сравнительный анализ, прежде всего, *метафизический и диалектический подходы*

понимания власти, способных обеспечить теоретический каркас для последующих философско-антропологических исследований власти.

Власть как особая форма человеческой деятельности, реализуемая при посредстве определенной культуры и специфических для своего осуществления знаний и умений, подробно рассматривалась уже в античной философии, прежде всего в трудах Платона и отчасти Аристотеля. При этом в течение последующего длительного исторического периода (нескольких тысячелетий) власть интерпретировалась исходя из метафизической позиции (*sub specie aeternitatis*), то есть как мощь, сила и слава, берущая своё начало из высшего (вечного) трансцендентного источника. Интересно, что, согласно мысли Платона, само время представляет собой текучий образ вечности, оказывается, что «образец – это существующее везде вечность; а его образ – это непрестанно, в пределах всего времени, бывшее, сущее и имеющее быть» [8. С. 982]. Следовательно, само время существует лишь по причастию к вечности, как впрочем, и «земная» власть осуществляется в силу своей причастности к трансцендентному источнику.

Таким образом, метафизический способ понимания власти необходимо должен интегрировать в себя понятие «вечной власти», выражающей господство вечности над временем. Поэтому сторонники метафизического взгляда на власть будут, например, стремиться оперировать такими понятиями как вечные и неизменные ценности, а на практике зачастую проводить консервативную политику, во многом ориентированную на религиозный опыт и память культурных традиций прошлого. Этот же способ понимания власти будет также характерен для большинства теологических дискурсов, в которых вся реальная полнота власти всегда сохраняется за Богом.

«Средневековая» власть, рефлексия которой осуществлялась посредством христианской теологии, несмотря на то, что смогла в определенной степени изжить античное рабство, вместе с тем она *par excellence* оставалась патриархальной и понималась (мышлением своей эпохи) в качестве метафизической инстанции, настоятельно (через своих верных слугителей) рекомендуемой своим подданным подчиняться земному монарху как собственному отцу по аналогии с Отцом Небесным. В данной связи крупнейший представитель схоластики Дунс Скот писал, что «власть есть отцовское председательствование по отношению к детям [или власть государя над подданными]» [2. С. 529]. Следовательно, постулируемый метафизический и сакральный характер власти (*potestas spiritualis*) и здесь (в эпоху средневековья) не ставился под сомнение, но рассматривался как присутствие идеального порядка в (изменчивом) мире становления и в целом оценивался как залог непреходящей (как бы гарантированной сверху) социальной стабильности.

Таким образом, метафизический способ понимания власти свидетельствует в пользу существования традиции такой её интерпретации, в которой субъект власти воспринимался как Богом данный «царь», обладающий силой противодействовать впадению государства, всего (христианского) общества и мира в хаос. Государь должен был выступать хранителем традиции, стоять на страже вечных и неизменных (трансцендентных) ценностей. В данной связи показательной является эсхатологическая концепция власти, в которой правитель исполняет роль *kat-echon* (греч. *ὁ κατέχων* – удерживающий) – проводника божественных сил, то есть понимается как сакральный деятель, оберегающий государство от распада, а подвластный (вверенный) ему народ – от искушений и морального падения.

Вместе с тем по мере качественного роста производительных сил совокупного человечества, утверждения господства науки и техники над окружающим миром (повлекшее за собой «расколдовывание» природы) и обострения процессов классовой борьбы центр осмысления рассматриваемой проблематики смещается в сторону постижения исторической сущности власти. Таким образом, в период Возрождения и Нового времени власть уже в значительной степени десакрализуется, о чём можно судить по работам ведущих политических мыслителей, таких как Н. Макиавелли и Т. Гоббс, акценты смещаются в сторону стратегий и практик, позволяющих реализовывать власть (без особой оглядки на

трансцендентное), исходя из вполне земных (временных и естественных) эгоистических стремлений человека.

Поэтому собственно Н. Макиавелли и утверждает, что эффективный властитель, то есть «государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека, и зверя» [7. С. 91]. Властитель, таким образом, должен брать пример с хищных зверей, совмещая в себе храбрость льва и хитрость лисицы. В данной связи власть, как право сильного, стала пониматься в качестве набора технологий управления, позволяющих властителю быть хитрым и жестоким (а порой и откровенно коварным) в отношении подвластных. Интересно в данной связи, что английский философ Т. Гоббс, во многом предвосхищая ницшеанские установки, считал, что человеком движет именно «вечное и беспристрастное желание всё большей и большей власти, желание, которое прекращается лишь со смертью ...» [5. С. 153]. Вместе с тем Т. Гоббс уже довольно отчетливо понимал власть в терминах рационального обмена, полагая, что подвластные индивиды расплачиваются за преодоление страха (перед «войной всех против всех») собственной («естественной») свободой.

Но пожалуй что только в XIX веке с рефлексии Г.Ф.В. Гегеля над противоборством антропологических фигур *господина* и *раба* открывается перспектива диалектического рассмотрения власти, схваченная в своём историческом и конкретно-всеобщем определении. В результате власть связывается с экзистенциальными темами признания и «отчужденного» труда, которые также способствовали переключению философско-антропологического дискурса с метафизики «потустороннего» на актуальные проблемы (вызовы «современности» и трудности модернизации), возникшие в условиях социально-экономической развития в первую очередь европейского культурного ареала.

Поэтому именно в философии Гегеля, несмотря на её артикулируемый идеализм, активное использование понятия «дух» можно было рассмотреть вопрос о модификации человеческой природы посредством труда и техники. Не случайно, что именно он указал на то обстоятельство, что «народы горды своими орудиями» [3. С. 306] (поскольку продукты труда исчезают в потреблении, орудия же, несмотря на износ, сохраняются), определив тем самым технологический аспект власти человека над природой. Поэтому в гегелевском славословии человеческой руки как главного органа «воплощения себя» можно вполне усмотреть будущие марксистские требования освобождения труда и трудящихся.

Согласно Гегелю, именно *рука* есть одушевленный кузнец человеческого счастья; поэтому «о ней можно сказать, что она *есть* то, что человек *делает*, ибо в ней как в деятельном органе своего самоосуществления человек наличествует как одушевляющее начало, и так как он первоначально является своей собственной судьбой, то, стало быть, рука выразит это “в-себе”» [4. С. 185]. Несомненно, что в русле именно гегелевской мысли диалектика власти приобретает свой классовый характер и получает дальнейшее развитие в сочинениях К. Маркса, Ф. Энгельса и их многочисленных идейных последователей.

Таким образом, в согласии с марксистской (классовой) теорией рассуждения метафизического характера стали рассматриваться как компоненты «ложного» сознания, которые были навязаны подвластным (пролетариату) представителями господствующих классов (главным образом клириками и аристократами). Следовательно, марксистам (как впрочем, и другим «левым» гегельянцам) надо было провести «деконструкцию» самого метафизического способа понимания власти, который, по их мнению, способствовал сохранению (уже отживших) «заскорузлых» порядков господства (например, монархии освященной мистическим авторитетом Церкви) и препятствовал социальному обновлению и эмансипации. Поэтому в век позитивизма метафизический способ восприятия и понимания власти зачастую стал обвиняться в антинаучности.

Конечно, метафизический способ постижения какой-либо реальности полностью не отрицался, но считался ограниченным и односторонним, в особенности применительно к рассмотрению природы возникновения и сущности власти. Как писал об этом Ф. Энгельс: «Метафизический способ понимания хотя и является правомерным и даже необходимым в

известных областях, более или менее обширных, смотря по характеру предмета, рано или поздно достигает каждый раз того предела, за которым он становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях, потому что за отдельными вещами он не видит их взаимной связи, за их бытием – их возникновение и исчезновение, из-за их покоя забывает их движения, за деревьями не видит леса» [9. С. 17]. В связи с чем и метафизическое понимание власти в качестве «застывшего», неизменного, иерархического порядка (господ и их подвластных), данного людям от века, например, Богом, отрицалось, особенно на фоне имевших определенный успех буржуазных и пролетарских революций.

Таким образом, в результате стремительной секуляризации европейской культуры, научно-технической и политической модернизации сам метафизический способ понимания власти, осуществляемый сквозь призму вечности, стал активно отвергаться рядом ведущих течений философской мысли (марксизм, «позитивизм», «философия жизни», психоанализ З. Фрейда), тяготеющими к атеизму либо агностицизму, эволюционному материализму или психологическому феноменализму, как не соответствующий критериям познания «современности» (modernity). При том, что критика метафизического способа понимания власти протекала в условиях жёсткой идеологической (а порой и вооруженной) борьбы, направляемой желанием (социалистической) эгалитаризации культуры и общества. Более того, эмансипация человека от прежних традиций включала в себя вполне откровенный проект если не полного разрушения, то маргинализации дискурсов власти, основанных на метафизическом способе её понимания и интерпретации.

Как в данной связи отмечает Н. Луман, начиная уже с эпохи Просвещения произошёл существенный сдвиг в самоописании и самоинтерпретации процессов, происходящих в антропологической реальности и социальном бытии европейцев. Таким образом, сам концепт «Новое время» возник в целях демонстрации того, как «ориентационный центр тяжести временной диспозиции постепенно смещается в область будущего» [6. С. 152]. Данному «новому» видению грядущего, несомненно, способствовала секуляризация общественного сознания и значительное ослабление эсхатологических паттернов мышления предшествующей эпохи «Средневековья». Таким образом, если раньше перед религиозными умами маячила перспектива неизбежной деградации человечества под властью надвигающегося Антихриста, то в «Новое время», напротив, возникла вполне позитивная перспектива практически неограниченного как физического, так и морального самосовершенствования и улучшения человеческого рода посредством комплексного воздействия науки, техники и образования.

Очевидно, что коллективное сознание «современности» стало в значительной степени более историчным, отказываясь от концепта «вечность», что привело к переоценке ценности настоящего момента. «Настоящее – как писал Н. Луман, – это теперь уже не присутствие вечности во времени; как, впрочем, она уже не является и ситуацией, в которой можно было бы влиять на спасение души, принимая решение в пользу или против греха. *Настоящее как раз есть не что иное, как дифференциация прошлого и будущего*» [6. С. 152]. Таким образом, «современность» характеризуется тем, что лишь *новизна*, обращенная в будущее и связанная с ней позитивная оценка перспектив человеческого развития, а не система «вечных» (неизменных) данных от века истин способна выступать в качестве облагораживающей инстанции.

В заключение проведенного нами сравнительного анализа двух методов понимания власти мы выяснили, что первый из них (метафизический) способ связан с производством «традиционных» ценностей, ему присущ консерватизм в понимании власти, а также свойственно неприятие секуляризации. Второй (диалектический) способ во многом выступает источником модернизации и эгалитаризации культуры и общества; первый можно было бы определить как дискурс стабильности и неизменности, второй – прежде всего как дискурс борьбы и перемен. Вместе с тем выбор в пользу того или другого при рассмотрении

власти находится в зависимости от мировоззренческих позиций исследователей, но также они могут вполне применяться комплексно.

Список литературы

References

1. Аристотель. Политика. М.: АСТ; АСТ Москва, 2010. 393 с.
Aristotel'. Politika. M.: AST; AST Moskva, 2010. 393 s.
2. Блаженный Иоанн Дунс Скот. Избранное. М.: Издательство Францисканцев, 2001. 583 с.
Blazhennyu Ioann Duns Skot. Izbrannoye. M.: Izdatel'stvo Frantsiskantsev, 2001. 583 s.
3. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2-х т. М.: Мысль, 1970. Т.1. 668 с.
Gegel' G.V.F. Raboty raznykh let: v 2-kh t. M.: Mysl', 1970. T.1. 668 s.
4. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. Философия истории. М.: Эксмо, 2007. 880 с.
Gegel' G.V.F. Fenomenologiya dukha. Filosofiya istorii. M.: Eksmo, 2007. 880 s.
5. Гоббс Т. Левиафан. М.: РИПОЛ классик, 2016. 672 с.
Gobbs T. Leviafan. M.: RИPOL klassik, 2016. 672 s.
6. Луман Н. Самоописания. М.: Издательство «Логос», ИТДГК «Гнозис», 2009. 320 с.
Luman N. Samoopisaniya. M.: Izdatel'stvo «Logos», ITDGK «Gnozis», 2009. 320 s.
7. Макиавелли Н. Государь. О военном искусстве. М.: Издательство АСТ, 2016. 416 с.
Makiavelli N. Gosudar'. O voyennom iskusstve. M.: Izdatel'stvo AST, 2016. 416 s.
8. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2013. 1311с.
Platon. Polnoye sobraniye sochineniy v odnom tome. M.: AL'FA-KNIGA, 2013. 1311s.
9. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М.: Политиздат, 1977. 483 с.
Engel's F. Anti-Dyuring. Perevorot v nauke, proizvedennyu gospodinom Yevgeniyem Dyuringom. M.: Politizdat, 1977. 483 s.